

0: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «3 мая — один из самых важных праздников, праздник свободы. Именно в майской Конституции определены основы польской борьбы за независимость, которую предстояло вести еще больше ста лет: «Источник всякой власти человеческого общества есть воля народа» (...) В прошлом году президент Польши Лех Качинский, напоминая в связи с майским праздником, что двести с лишним лет назад была принята первая в Европе конституция, задал вопрос: «Кто это сделал? Мы, поляки (...) День 3 мая 1791 года был (...) большой победой тех, кто хотел сильного польского государства». Несмотря на национальный траур, последние недели (...) показали, что демократическое государство сильно как своими институтами, так и самоорганизацией своих граждан (...) Благодаря конституции, принятой в Третьей Речи Посполитой, мы сумели обеспечить чувство стабильности и преемственности государственной власти», — сказал Бронислав Коморовский, маршал Сейма, и.о. президента Польши. («Газета wyborcza», 30 апр. — 3 мая)
- «Годовщину принятия Конституции 3 мая праздновали в этом году без пушечных залпов (...) В связи со смоленской трагедией 3 мая отмечали сдержанно». («Жечпосполита», 22 апр.)
- «Вчера в 5.40 утра маршал Сейма Бронислав Коморовский подписал постановление о проведении выборов. Они пройдут (...) 20 июня. Возможный второй тур — 4 июля (...) До 6 мая у кандидатов есть время, чтобы собрать 100 тыс. подписей и зарегистрировать их в Государственной избирательной комиссии». («Жечпосполита», 22 апр.)
- Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 6-11 мая, каждый второй избиратель (41%) проголосует в первом туре президентских выборов за Бронислава Коморовского. Ярослав Качинский может рассчитывать на 28% голосов. Во втором туре поддержать кандидата «Гражданской платформы» (ГП) обещают 53% опрошенных, а кандидата «Права и справедливости» (ПиС) — 34%. («Жечпосполита», 12 мая)
- Бронислав Коморовский: «Я хожу по минному полю, так как на меня возложена ответственность, связанная с двумя очень важными постами. Я стараюсь как можно лучше исполнять свои обязанности, а не вести предвыборную кампанию. Если бы я выступал в роли кандидата, то, наверное, позволил бы себе проявлять чувства. Иногда именно это нам больше всего нужно. Ведь и я потерял в этой катастрофе друзей. Однако кто-то должен организовать траур, чтобы другие могли его легче переживать. Кто-то должен следить за тем, чтобы государство функционировало более или менее нормально, несмотря на невзгоды и боль. Я не давал волю эмоциям, сосредоточившись на том, что нужно сделать (...) Мне было нелегко сдерживать эти эмоции. Однако после такой гекатомбы люди испытывают страх. Они ожидают, что найдется человек, который возьмет на себя часть ответственности за общую безопасность. Из опросов общественного мнения следует, что, вопреки утверждениям политических комментаторов, мои действия и поведение были оценены положительно. Я считал и продолжаю считать, что перед лицом столь огромной трагедии не следует играть никаких ролей». («Ньюсуик-Польша», 3 мая)
- «Бронислав Коморовский имеет огромное преимущество перед Ярославом Качинским: никто не может отказать ему в польскости, католицизме, серьезности. Более того, он может вписаться в принимаемую широкими массами модель президента всех поляков, в то время как Качинский может править только от имени «истинных поляков» и для них. Качинский — просто лидер национально-католической партии и не более того, между тем как Бронислав Коморовский приемлем почти для всех — он и «истинный поляк», и «нормальный поляк» в одном (...) Президент Лех Качинский верил, что, будучи избранным народом президентом, он может принимать все решения в соответствии с собственными убеждениями, опираясь на собственное понимание. У него не было чувства, что он на службе, что огромная часть его действий носит формально-правовой характер, и он должен предпринимать их на основании закона. Он верил, что в качестве народного избранника сам решает, под чем поставить свою подпись (...) Такие стандарты применялись в либеральных демократиях до 50-х или 60-х годов», — проф. Ян Хартман, Ягеллонский университет. («Пшеглэнд», 9 мая)
- «Краков. Лех Качинский и его супруга Мария упокоились в крипте вавельского кафедрального собора (...) Президент Медведев, прибывший в сопровождении российской делегации, зажег свечу перед портретами президентской четы у входа в церковь. В погребальной мессе участвовали также, в частности, президенты Германии, Украины, Чехии, Литвы (...) В вавельском соборе гробы с телами Леха и Марии Качинских были

- помещены в пресбитерии перед коронационным алтарем польских королей. Там кардинал Дзивиш совершил богослужение — т.н. последнее стояние. После этого гробы были спущены в преддверие крипты под Башней Серебряных колоколов (...) В траурной церемонии в Кракове участвовали польские политики всех направлений. «Лех Качинский был президентом нашей родины (...) Быть сегодня здесь — наш долг», — говорит депутат Рышард Калиш из Союза демократических левых сил (СДЛС)». («Жечпосполита», 19 апр.)
- Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев: «Перед лицом тяжелых утрат мы можем приложить усилия для сближения позиций наших стран (...) Катынская трагедия — это преступление Сталина и ряда его приспешников (...) Будучи здесь, провожая президента Польши, мы прокладываем путь в будущее». («Впрост», 21 апр.)
  - «В последний путь на Вавель президента провожало около 200 тыс. поляков. На субботнюю мессу за упокой жертв катастрофы на варшавскую площадь Пилсудского пришло около 100 тыс. человек (...) Память президентской четы, гробы которой были выставлены в Президентском дворце, почтило 180 тыс. человек со всей Польши. Им пришлось отстоять более чем десятичасовую очередь». («Жечпосполита», 19 апр.)
  - «В воскресенье, когда в страну было доставлено тело президента Леха Качинского, похоронную процессию из аэропорта в Президентский дворец смотрело — если считать четыре главных (...) и три информационных телеканала (...) — 10,6 млн. зрителей (...) Субботнюю траурную церемонию в Варшаве смотрело 7,8 млн. зрителей, а краковские похороны президента Леха Качинского и Марии Качинской — 13 млн. человек. Похороны транслировали 17 телеканалов». («Газета wyborcza», 26 апр.)
  - 496 тонн свечей и цветов из-под Президентского дворца, т.е. более 150 грузовиков, было вывезено на свалку. («Жечпосполита», 20 апр.)
  - «Реакцию поляков на смерть президента можно сравнить с реакцией англичан на смерть принцессы Дианы, а еще раньше — с реакцией аргентинцев на смерть Эвы Перон. Я думаю, что во всех этих случаях значение имели схожие факторы», — проф. Мартин Куля, Варшавский университет. («Газета wyborcza», 31 апр.)
  - «Я достаточно стар, чтобы знать, сколь длинными были очереди к гробу Болеслава Берута [президент ПНР в 1947-1952 гг.], и помнить, что слухи, которые тогда ширились, были почти такие же, как те, что распускаются сейчас», — проф. Ежи Шацкий, член Польской Академии наук. («Тыгодник powszechny», 2 мая)
  - «Трагически погибший президент Лех Качинский за полтора десятка часов после смерти стал символом жертвенности, любви к родине, патриотизма, бескорыстности, всех личных и государственных добродетелей. Неудачник при жизни, победитель посмертно (...) Выбор сделал народ. Не кардинал Дзивиш провожал гроб Леха Качинского на Вавель. Не премьер Туск организовал гигантские процессии, и не Церковь придала огромный размах религиозным церемониям (...) Туск поступил разумно. Он понял, что его усилия по организации широкомасштабных мероприятий памяти его соперника не станут для него чем-то губительным (...) Туск обладает таким качеством как сопереживание обществу», — Ян Рокита, политик, юрист, философ, историк Церкви. («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)
  - «Появился очередной народный герой. А почему он герой? Потому что его погребли в том, а не ином месте. Если бы его погребли на Повонзках [варшавское кладбище], он был бы героем малого калибра, незаметным [как Станислав Войцеховский, президент Польши в 1922-1926 гг. — В.К.] (...) В целом мейнстрим «Права и справедливости» соответствует настроениям более 50% поляков (...) Они очень сильно отождествляют себя с народом, семья для них — святое, а современное состояние общества их не заботит (...) Поляки отделяют светские дела государства от не светских и даже священных дел народа (...) С Лехом Качинским будет то же самое, что с Лехом Валенсой. С одной стороны — легенда, с другой — вечная неуверенность, как было на самом деле», — проф. Януш Чапинский, Варшавский университет. («Пшеглэнд», 25 апр.)
  - «Вавель продолжает вносить раздор (...) Был ли некрополь королей, великих национальных поэтов и Юзефа Пилсудского подходящим местом для погребения президента? (...) По мнению 41% опрошенных — да. Но 48% считают иначе». Опрос Лаборатории социологических исследований. («Газета wyborcza», 29 апр.)
  - «Как объяснил кардинал Дзивиш, Лех Качинский должен упокоиться вместе с отличившимися перед родиной, поскольку сам он героически погиб, летя в Катынь, чтобы почтить память мучеников». («Жечпосполита», 20 апр.)
  - «Через несколько лет школьные экскурсии, посещающие собор и «катынскую крипту», будут выносить оттуда убеждение, что президента Качинского убил НКВД по приказу Сталина и Берии, а Мария Качинская — та

единственная женщина, погибшая в Катыни, (...) о которой премьер Туск рассказывал Путину». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 9 мая)

• ««Создается новая трилогия: 1920 г., 1940 г. и 2010 г.», — провозгласил на проповеди архиепископ Генрик Хосер во время мессы за жертв». (Адам Шосткевич, «Политика», 1 мая)

• «Фрагмент крыла президентского самолета, разбившегося под Смоленском, станет частью новой ризы иконы Богоматери на Ясной горе в Ченстохове (...) «Этот обломок самолета, который упал 10 апреля, будет включен в Твою ризу, ризу благодарности и любви, страдания и надежды польского народа», — сказал отец Роман Маевский, настоятель монастыря на Ясной горе, во время молитвы в часовне Богоматери». («Польска», 29 апр.)

• «Мы осознали (...) что траурные фиолетовые орнаты епископов прекрасно гармонируют с бело-красными флагами (...) Мы сообща дали согласие на то, что к отделению Церкви от государства нельзя относиться слишком серьезно, — как раз наоборот (...) Величественность похоронной церемонии в вавельском соборе привела к тому, что протесты против Закона Божия в школе и присутствия распятий в классных комнатах утратили всякий смысл». (Доминик Здорт, «Жечпосполита», 20 апр.)

• «Погибли 96 человек, множество выдающихся личностей, много тех, кого мы не знали, что не уменьшает их трагедии. А мы, к сожалению, делим этих погибших на менее и более важных. На вершине этой пирамиды — президент и его супруга, затем популярные политики, а где-то в конце — безымянные: сотрудники Бюро охраны президента, пилоты, стюардессы, катынские семьи, сопровождающие лица. Я считаю, что перед лицом такой трагедии все погибшие должны быть вместе. Мы могли показать, как демократична смерть. Мы могли показать, что человеческое страдание и ценность жизни везде одинаковы, несмотря на то, какой пост занимал покойный. То был бы урок христианства и солидарности. Но ничего подобного не случилось», — Агнешка Холланд, режиссер. («Газета wyborcza», 17-18 апр.)

• «Воеводы выплатили пособия (...) семьям жертв катастрофы президентского самолета. Каждая из них получила 40 тыс. злотых. Правительство выделило на эту цель 3,8 млн. злотых. Правительство покрывает также расходы на похороны погибших в катастрофе самолета. Совет министров предназначил на это 20 млн. злотых. Координаторы, назначенные воеводами, оказывают помощь всем лицам, которых коснулась трагедия». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)

• «Эта катастрофа показывает невероятное отсутствие профессионализма в действиях служб нашего государства. Можно задуматься, почему так получается. По нашему мнению, потому, что в течение 20 лет каждая смена правительства сопровождается кадровой революцией в различных государственных институтах. Поэтому в них заняты люди без опыта, отвечающие за вопросы, на которые их компетентности и опыта не хватает», — депутат Владимир Цимошевич, бывший премьер-министр. («Польска», 4 мая)

• «Мы излишне рисковали — как минимум, по пяти показателям: совместный полет столь большой группы лиц, ответственных за государство (в т.ч. за вооруженные силы), на самолете минувшей технологической эпохи, приземление на полувоенном аэродроме без запасного плана и без запаса времени. Такого полета не должно было быть, даже если бы он прошел без проблем (...) Подвело то, что во всем мире называется культурой национальной безопасности», — Гжегож Костшева-Зорбас, политолог. («Дзенник — Газета правна», 29 апр.)

• Согласно опросу ARC «Рынок и мнение», действия польских властей после смоленской катастрофы оценивают положительно 40% поляков, а 46% позитивно высказываются о действиях российских властей. Отрицательное мнение о действиях польского правительства выражают 26% поляков, а о действиях российского — 22%. Среди приверженцев ГП положительную оценку польскому правительству дает 71% опрошенных, а 73% позитивно оценивает действия российских властей. Отрицательного мнения придерживаются менее 10%. Среди избирателей ПиС 42% плохо оценивают действия российских властей, а 55% негативно оценивают действия польского правительства. Положительную оценку польской стороне дают 15% сторонников ПиС, а российской стороне — 23%. («Польска», 5 мая)

• «Национальный траур, телевизионные обращения президента Медведева и премьер-министра Путина, молниеносное создание комиссии по расследованию причин катастрофы, четко организованная перевозка тел и их опознание, полная открытость Москвы, допуск поляков к следствию, повторный показ по общероссийскому телевидению фильма «Катынь» Анджея Вайды [всего его посмотрело 28 млн. российских зрителей]. Это уже не прежняя Россия — закрытая, подозрительная и недоверчивая к чужим (...) После крови, пролившейся под Смоленском, и всех жестов примирения ни россияне, ни поляки уже не могут вернуться к прежним антагонизмам. Тем более, что это не лежит ни в наших, ни в их в интересах». (Анджей Талага, «Дзенник — Газета правна», 16 апр.)

- «Федеральная архивная служба России разместила на своем сайте документы, касающиеся катынского преступления, которые свидетельствуют о том, что его совершил НКВД по приказу Сталина (...) Вчера сайт российских архивов был осажден пользователями — к концу дня число просмотревших катынские документы составило 2 млн. человек». («Газета выборча», 29 апр.)
- «7 апреля был освящен фундамент православного храма в Катыни. По подсчетам, кроме 4,5 тыс. поляков, там покоятся также 6,4 тыс. российских жертв репрессий», — игумен Филипп, заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. («Жечпосполита», 19 апр.)
- «Когда «неизвестные» побили в Москве моего коллегу, журналиста Павла Решку, я жил в этом городе и всерьез размышлял, не отправить ли в Польшу мою жену и дочерей. Атмосфера неприязни ко всему польскому была столь сильна, что мой знакомый бизнесмен боялся разговаривать на улице по мобильному телефону, не желая, чтобы кто-нибудь услышал, что он поляк. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что через пять лет прокремлевская молодежная организация «Наши» будет проводить перед посольством Польши акцию памяти польского президента — я бы точно не поверил (...) «Ведь организация «Наши», которая сегодня призывает почтить память Леха Качинского, еще недавно сравнивала его с Адольфом Гитлером», — сказала публицистка Валерия Новодворская», — Гжегож Слюборовский. («Впрост», 25 апр.)
- «Редко случается, чтобы положительные чувства по отношению к Польше и полякам проявлялись в таком масштабе и с такой силой. Как будто плотину прорвало. Люди не обращают внимания на то, как это будет оценено. Они проявляют по отношению к Польше и полякам невероятную сердечность. У них есть чувство, что это общая трагедия, общая боль (...) В Польше бытует мнение, что современная Россия — это прежний СССР, только под другим названием. Продолжение того, что было (...) Россия — это преемственность, продолжение, но и что-то совершенно новое. Каждое поколение создает государство в соответствии с собственными представлениями, но в то же время несет на себе бремя истории (...) Сегодня российское общество находится в поисках своего пути. Лишь новые поколения могут построить новую Россию (...) Я верю, что эта новая Россия будет полностью готова примириться с Польшей», — проф. Адам Даниэль Ротфельд, сопредседатель польско-российской Группы по трудным вопросам, бывший министр иностранных дел. («Жечпосполита», 16 апр.)
- «Архиепископ Юзеф Михалик (...) председатель Епископата Польши, трогательно говорил о сближении между поляками и россиянами: «О доброжелательности и чуткости русских людей мы знали давно, но в Смоленске всему этому вторила трогательная сердечность и помощь высших российских лидеров. Они первыми поспешили туда с помощью». И поблагодарил россиян “за большую доброжелательность и помощь, оказанную в Москве семьям погибших”». («Газета выборча», 21 апр.)
- «К профилю «Примирение и память», созданному несколькими молодыми поляками на «Фейсбуке», присоединяются люди, которые 9 мая хотят организовать акцию памяти на советских воинских кладбищах. Несколько десятков художников, ученых, публицистов и политиков подписали в сети открытое письмо о примирении. «После смоленской катастрофы 10 апреля 2010 г. российский народ искренне и трогательно выразил свою солидарность с польским народом (...) В знак признательности за эту солидарность 9 мая мы хотим зажечь свечи на кладбищах советских солдат, на могилах русских и представителей других национальностей, которые погибли вдали от дома и близких»». («Газета выборча», 5 мая)
- Согласно опросу московского Левада-Центра, «30% российских граждан считают, что катастрофа в Смоленске сблизит наши народы, а 34% — что не повлияет на наши взаимоотношения. 19% полагают, что падение президентского Ту 154 разобьет поляков и россиян еще больше, потому что мы будем обвинять в трагедии соседей». («Газета выборча», 28 апр.)
- «Осквернение памятника советским солдатам в Олеснице — это позор и глупость (...) Акты вандализма по отношению к памятникам советским солдатам случались в Польше редко — в последний раз пять лет назад. Можно только надеяться, что местные власти в Олеснице сразу же устранили последствия инцидента. Поляки часто ожидают от других народов — также от россиян — понимания нашей исторической чувствительности. Но мы и сами должны проявлять его по отношению к другим». («Газета выборча», 29 апр.)
- «Полиция задержала троих мужчин, которые осквернили в Олеснице памятник Польско-русскому братству по оружию». («Жечпосполита», 7 мая)
- «15 лет назад о. Юзеф Миколаец предложил приходскому совету в Богушице, чтобы крестный путь в годовщину резни 1945 г. начался на «русском кладбище», перед памятником солдатам Красной Армии. Он предложил это людям, чьи семьи пережили погром, когда в течение двух дней красноармейцы убили около трехсот силезцев (...) Стояния крестного пути были расположены в деревне на местах убийств. Люди плакали.

Но к памятнику пришли не все (...) Сначала, когда нужно было произнести молитву за «руссов», как силезцы называют русских, — люди молчали (...) О. Миколаец: «Я хотел бы опубликовать воспоминания моих прихожан, но не все из них согласны. В течение 50 лет они боялись говорить о том, что пережили, и в некоторых все еще сидит этот страх. А может, просто огромная боль... (...) Вот уже 15 лет школьники вместе со своими семьями убирают кладбище (...) Никогда ни одна бабушка или дедушка не протестовали, когда дети шли убирать советские могилы. А ведь если бы они продолжали ненавидеть, наверняка не соглашались бы на это». («Газета wyborcza», 6 мая)

- «Мы, поляки, ценим действия россиян в последние годы. Мы должны идти по пути сближения наших народов и дальше, не останавливаясь и не оглядываясь назад», — президент Лех Качинский. Отрывок из речи, которую он должен был произнести 10 апреля на Польском воинском кладбище в Катыни. («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «Примирение — это лишь вопрос времени. Нам известно, что процесс десталинизации идет в России медленно, и нам известно, почему он не может идти быстрее. Но я думаю, что эта трагедия ускорит процесс примирения», — проф. Ежи Шацкий, член Польской Академии наук. («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «Реакция России на эту трагедию показывает, насколько искусственными были прежние споры. С одной стороны, мы имели дело с категорическим отказом признать исторические факты, с другой — с постоянным подогреванием исторических споров (...) Теперь ситуация изменилась (...) У власти с обеих сторон будут люди, которые всё это пережили. На каждой встрече, в каждом споре друг против друга станут люди, объединенные общей трагедией, причем трагедией совсем близкой (...) Трагедией, которую эти люди пережили лично и просто не могут ни бежать от нее, ни забыть о ней. Трагедией, которая не связана с виной какого-либо государства (...) Российский премьер-министр был на месте, видел это собственными глазами. Его всегда называли холодным человеком (...) Но сейчас мы видим что-то совсем другое. И этот человеческий фактор останется в наших отношениях», — Сергей Бунтман, заместитель главного редактора радио «Эхо Москвы». («Жечпосполита», 13 апр.)

- «Министр иностранных дел России Сергей Лавров, выступая в четверг в Совете Европы, выразил мнение, что переживаемая в России и в Польше трагедия под Смоленском станет поворотным моментом в преодолении общего трагического прошлого». («Польска», 30 апр. — 3 мая)

- «СССР был очень сложным государством, и, если говорить прямо, тот режим, который сложился в Советском Союзе по окончании известных событий, иначе как тоталитарным назвать нельзя, — сказал Дмитрий Медведев. — (...) Это был режим, при котором подавлялись элементарные права и свободы» (...) Президент признал, что в деле Катыни Россия фальсифицировала историю. «Наши люди и иностранцы должны окончательно узнать правду». («Газета wyborcza», 8-9 мая, по материалам «Известий»).

- «Россия должна учитывать, что однажды она останется наедине с Китаем на востоке и с ЕС на западе (...) Присоединение России к западному сообществу (о чем политики говорят все чаще) кажется очевидным, но дастся оно нелегко (...) Чтобы у Путина и Медведева получилась стратегически необходимая вестернизация, они должны изменить сознание россиян. Борьба с катынской ложью — прекрасный инструмент такого изменения (...) Наше возвращение на московский парад тоже способствует этому процессу, ибо показывает россиянам, что все идет хорошо, когда мы идем вместе (...) Если всё получится, то наступающий в настоящий момент новый миропорядок, который окончательно перечеркнет ялтинско-потсдамский, застанет Россию на нашей — западной — стороне. То есть там, где она наверняка предпочла бы оказаться. И где мы предпочли бы ее видеть». (Яцек Жаковский, «Политика», 8 мая)

- «Впервые с 1945 года польские солдаты маршировали по Красной площади. В ходе парада в честь 65 й годовщины окончания войны поляки маршировали вместе с россиянами, солдатами из СНГ, англичанами, американцами и французами (...) Президент Дмитрий Медведев, обращаясь к собравшимся с почетной трибуны, подчеркнул: «Только вместе мы можем противостоять современным угрозам. Только на основе добрососедства решать проблемы глобальной безопасности». («Жечпосполита», 10 мая)

- «Заметьте, что в конце оркестры совместно сыграли (...) «Оду к радости» — гимн Европы. По моему мнению, это был символический жест. Это показывает, в какую сторону страна хочет идти, или, по крайней мере, в какую сторону власть хочет вести эту страну», — Станислав Цёсек, бывший посол Польши в России. («Польска», 10 мая)

- «Эти 67 томов процессуальной документации уже были предоставлены нашим историкам (...) Теперь они не должны будут ездить в Москву, чтобы ими пользоваться (...) Значительно важнее, по моему мнению, обещание Медведева, что вскоре будут обнародованы и другие документы (...) Мы ожидаем от россиян прежде всего

снятия грифа секретности со 116 томов следственных материалов Главной военной прокуратуры, касающихся Катynи, которых мы до сих пор в глаза не видели. И, во-вторых, передачи нам нескольких до сих пор отсутствующих основных документов, касающихся катынского преступления. Например, т.н. белорусского списка или протоколов т.н. Центральной тройки НКВД, осуществлявшей надзор над катынским преступлением», — проф. Войцех Матерский, директор Института политических исследований Польской Академии наук, член польско-российской Группы по трудным вопросам. («Жечпосполита», 10 мая)

- «В субботу в польском посольстве в Москве и.о. президента Бронислав Коморовский дал прием в честь русских друзей. Главным пунктом программы было вручение государственных наград российским гражданам, в т.ч. деятелям Полонии из Смоленска, за заслуги в деле раскрытия правды о катынском преступлении. Награждены были также милиционеры, пожарные, спасатели, психологи и врачи, работавшие на месте катастрофы президентского самолета и помогавшие в опознании тел. Государственные награды, присужденные еще президентом Лехом Качинским, получили деятели общества «Мемориал» и военный прокурор на пенсии Александр Третьяцкий, который в начале 90-х вел следствие по делу об убийстве польских офицеров (...) Вчера польская делегация (кроме Коморовского, в нее входили, в частности, генерал Войцех Ярузельский, начальник Бюро национальной безопасности генерал Станислав Козей и режиссер Анджей Вайда) (...) возложила цветы на месте катастрофы под Смоленском, а также на кладбище польских офицеров в Катynи и перед православным крестом, увековечивающим память жертв сталинских репрессий (...) На границе Смоленской области маршала польского Сейма хлебом и солью встречал местный губернатор Сергей Антуфьев». («Газета выборча», 10 апр.)

- 9 мая «никто не считал, сколько поляков пришло на советские кладбища. Главное, что на каждом — у памятников, у могил — зажглись свечи, а чьи-то руки возложили цветы (...) Свечи зажгли и силезцы из опольских деревень Богушице и Фольварк, дети и внуки 300 человек, убитых советскими солдатами в январе 1945 года (...) С другой стороны дороги — памятная плита немецким солдатам, погибшим на фронте. Там тоже лежат цветы. В том числе три красные гвоздики от Андрея и Ирины Майстренко из Харькова и их шестилетнего сына Михаила (...) Информация о польской акции «Огонек для русских» молниеносно разнеслась за восточной границей. Растроганные россияне пишут организаторам акции письма, присоединяются к профилю «Примирение и память» на “Фейсбуке”». (Александра Клих, «Газета выборча», 10 мая)

- «Только от воли случая зависело, кто попал в армию Андерса, а кто — в армию Берлинга. Поляков, попавших в оба этих создававшихся на территории СССР соединения, набирали в основном из жертв депортаций 1940-1941 гг. (...) По оценкам специалистов, количество депортированных составляло около 600 тыс. человек (...) Более 110 тысяч [бойцов армии генерала Владислава Андерса] в 1942 г. (...) было переброшено в Иран, а затем в Ирак (...) В конце апреля 1943 г. было принято решение о создании в СССР 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко под командованием генерала Зигмунта Берлинга. (...) В начале мая 1945 г. воевавшие на стороне Красной Армии польские вооруженные силы насчитывали почти 400 тыс. человек (...) В последние годы солдаты, шедшие с востока вместе с советской армией, чрезвычайно редко могли рассчитывать на награды. Они — ветераны худшей категории (...) Им отказывают в признании, что и они боролись за независимость, так как они воевали на стороне Красной Армии». (Кшиштоф Пилявский, «Пшеглэнд», 9 мая)

- «Часть публицистов представляет ПНР в виде некоего нереального молоха. А ведь в 60-е годы это государство уже не было террористической организацией, как во времена сталинизма. Между тем именно так его подчас изображают — как крайне идеологический и крайне репрессивный механизм (...) Конечно, это была диктатура, неправовое государство. Однако для большинства поляков ПНР в середине своего существования была государством неудобным, но терпимым (...) Не будем сводить ПНР к двум периодам: 1945-1948 гг. и военного положения (...) Я не считаю коммунизм чем-то чуждым, импортированным агентурой (...) Он был плохой, крайней, но интегральной частью польской политической культуры. Он присутствовал во всех обществах того времени, хотя следует признать, что это было проявление идеологического безумия», — проф. Анджей Фришке, Варшавский университет. («Польска», 27-28 марта)

- «Моей Польши уже не существует. Моя Польша говорила по-польски, по-белорусски и по-украински. По улицам моей Польши ходили евреи (...) Ведь настоящая Польша долгие века была совершенно антинационалистическим, многонациональным образованием (...) Лишь в конце XIX в. под влиянием националистических европейских течений (в основном немецких и итальянских) появилась новая концепция, новая картина Польши — Польши одного народа, государства, состоящего только из поляков и служащего лишь полякам», — Збигнев С. Семашко, бывший ссыльный, военный, инженер, историк и публицист, эмигрант. Был постоянным сотрудником парижской «Культуры». («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)

- «Первая годовщина без Марека Эдельмана (...) Впервые мы праздновали годовщину восстания в варшавском гетто без последнего его руководителя. Вчера исполнилось 67 лет со дня еврейского героического порыва.

Восстание вспыхнуло 19 апреля 1943 года (...) На борьбу (...) поднялось менее 800 слабо вооруженных повстанцев. Немцы выставили против них 2 тыс. прекрасно экипированных солдат и полицейских». («Газета wyborcza», 20 апр.)

• «На литовской авиабазе в Зокняй приземлились четыре польских истребителя Миг 29. В рамках миссии НАТО они возьмут на себя охрану воздушного пространства прибалтийских государств». («Жечпосполита», 29 апр.)

• «Белорусские судебные исполнители вошли в квартиру председателя Союза поляков Белоруссии Анжелики Борис, чтобы составить опись ее имущества в связи с наложением на нее судом штрафа. Польский МИД заявил в белорусском посольстве в Варшаве о готовности заплатить штраф от имени Борис». («Впрост», 18 апр.)

• «Белоруссия была единственным соседом России, который после смоленской катастрофы не объявил национального траура (...) Лукашенко вместе со своим сыном зажег свечу перед портретом Леха Качинского (...) Президент Белоруссии дал распоряжение государственным СМИ отказаться от показа развлекательных программ во время похорон президента Польши. Белорусское телевидение показало в эти часы, в частности, «Катынь» с белорусским дубляжем». («Жечпосполита», 19 апр.)

• «Прокуроры из Белостока и Люблина передали Минску личные данные нескольких сотен граждан Белоруссии, которые совершали покупки в Польше и возвращали себе на границе НДС в рамках т.н. такс-фри (...) Их вызывают на допросы, налагают на них дополнительные штрафы, налоги и пошлины, которые в некоторых случаях достигают почти 100 тыс. долларов. Вызванные в белорусское КГБ, они ставятся перед выбором: платить или согласиться на сотрудничество (...) Отношение польских судов и прокуратур приводит к тому, что белорусские политические беженцы начинают избегать Польши. Они опасаются, что на основании сфабрикованных белорусскими службами обвинений к ним может быть применен арест с экстрадицией. Они чаще выбирают Чехию, Литву, Латвию или Эстонию». (Эльжбета Полудник, «Впрост», 18 апр.)

• Суммы, предназначенные в 2010 г. польским МИДом на помощь другим странам: Афганистан — 35 млн. зл., Белоруссия — около 24 млн., Украина — 13,6 млн., Грузия — 7 млн., Молдавия — 2 млн., Палестинская автономия — 1,5 млн., Ангола — 1 млн. злотых. Это лишь малая доля по сравнению с тем, что делают неправительственные организации, органы местного самоуправления и исследовательские институты. («Газета wyborcza», 6 апр.)

• «В люблинских пекарнях ежедневно пропадают сотни буханок хлеба. Магазины платят пекарням только за проданный хлеб, остальное возвращают (...) Единственными потребителями такого хлеба становятся животноводы, разводящие пушных зверей. Согласно европейским нормам, только таким животным можно давать старый хлеб (...) В Люблине в кухне св. Брата Альберта ежедневно ожидают своего куска хлеба 300-500 самых бедных жителей города». («Польска», 30 апр. — 3 мая)

• «Библия и медальон — эти подарки на первое причастие уходят в прошлое. Какое-то время назад их заменили электронные приборы. А также багги (...) Если ноутбук — то обязательно «Apple» и белого цвета (...) Мобильные телефоны должны быть цветными (...) Новинкой этого года в категории подарков на первое причастие стали мониторы LCD со встроенным телетюнером (...) Вместо традиционных велосипедов появились квадроциклы (...) В этом году хитом на первое причастие стал багги — открытый внедорожник с легкой конструкцией, приспособленный для езды по пересеченной местности (...) Вместо Библии дарят коллекционные монеты с портретом Иоанна Павла II. Серебряная, номиналом 10 злотых, стоит 350 зл., золотая, номиналом 100 зл., — 1490 зл. и больше». (Патриция Отто, «Дзенник — газета правна», 15 апр.)

• ««Кроликов (...) покупают в качестве домашних игрушек. Но относятся к ним хуже, чем к кошкам и собакам (...) После праздников Рождества и Пасхи временные приюты переполнены», — говорит Катажина Надровская, член Общества помощи кроликам (...) «У меня были кролики, найденные в лесу, на лестничной клетке, в закрытой коробке на морозе. Сейчас мы занимаемся крольчатами, выкупленными у владельца террариума (...) Когда появляется новый дом, мы делаем все возможное, чтобы животное попало туда как можно скорее», — говорит Ивона Коссовская, председатель ОПК. Михал Кухарский, зампред ОПК, рассказывает: «Недавно во время проверки в магазине на вопрос, почему у кроликов нет воды, продавец ответил, что если им хочется пить, то они слизывают капли, оседающие на стенках аквариума (...) На Интернет-аукционах кролики продаются как живой корм для змей (...) На кроликах до сих пор тестируют ингредиенты косметических средств. Это, в частности, тесты на переносимость слизистых оболочек и кожное раздражение. Тестируемые кролики содержатся в специальных клетках, которые ограничивают их движения, а специальные повязки или воротники препятствуют вылизыванию или расчесыванию ран»». (Агата Бялоховская, «Политика», 17 апр.)

- «За месяц зарплаты на предприятиях выросли в среднем на 6,2% (...) По данным, обнародованным вчера Главным статистическим управлением (ГСУ), в годовом масштабе зарплаты увеличились на 4,8% (...) Инфляция в марте составила 2,6%. С ростом зарплат замедлился рост безработицы». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)
- «Уровень безработицы упал в апреле до 12,3% с 12,9% в марте, сообщила замминистра труда Чеслава Островская. В официальном коммюнике министерство уведомило, что число безработных составило в апреле (...) 1975,7 тыс. человек и по сравнению с мартом уменьшилось на 101 тыс. человек (на 4,9%)». («Польска», 11 мая)
- «По данным ГСУ, из почти 16 млн. работающих поляков 11 млн. остаются на работе после окончания рабочего дня. Каждый десятый из них не доволен своим рабочим местом и ищет дополнительные возможности заработать (...) Год назад, согласно отчету Интерактивного института рыночных исследований, меньше 40% респондентов были недовольны своей работой. Сегодня их больше 50% (согласно отчету фирмы Седляк & Седляк) (...) Производительность труда составляет 65% от средней по ЕС. По данным Евростата, в прошлом году она была ниже, чем в Словении и Чехии». («Дзенник — Газета правна», 30 апр. — 3 мая)
- «Польские предприятия — в гораздо лучшей форме, чем ожидали экономисты. В марте они продали на 12% больше товаров, чем год назад. Производство достигло наивысшего уровня в истории, значительно выше, чем до начала экономического кризиса (...) Часть аналитиков улучшает прогнозы. По их мнению, в первом квартале польская экономика развивалась в темпе не 2,6-2,7%, а 3%». («Жечпосполита», 21 апр.)
- «В начале 90-х в стране насчитывалось 1666 госхозов, на которых висел гигантский двухмиллиардный долг. Сегодня 80% доходов сельского хозяйства в Польше вырабатывают хозяйства площадью более 50 га. В стране действует также более 150 фермерских предприятий, в распоряжении каждого из которых 2,5 тыс. га. (...) Для крестьян, владеющих маленькими хозяйствами, эти новые помещики стали примером для подражания. Они приходят к ним за советом: какие семена выбрать, в какую технику вкладывать деньги, где искать рынки сбыта (...) Польская деревня изменяется быстрее, чем кажется. В частности, благодаря приватизации». (Рафал Геремек, «Ньюсуик-Польша», 3 мая)
- «Управление государственных лесов сообщает, что не может отказаться от вырубки Беловежской пуши, так как заключило контракты на древесину. Тем самым они признают, что последний первобытный лес Европы погибает просто ради денег». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 27 апр.)
- «Трехпалый дятел — самый редкий в Европе (...) Для жизни ему нужны засыхающие и мертвые деревья, особенно ели (...) Для лесников такие ели — рассадник короедов (...) Их безжалостно вырубает. А это означает борьбу не на жизнь, а на смерть с трехпалым дятлом (...) Оставим ему и многим другим видам, связанным с первобытным лесом, хоть какие-то островки, в том числе Беловежскую пушу». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 20 апр.)
- «Я назвал свою книгу «Самое опасное животное», ибо homo sapiens — это, без сомнения, самый опасный вид на земле (...) Взрыв очередного мирового конфликта кажется как нельзя более возможным: ресурсы истощаются, а людей всё больше», — проф. Дэвид Ливингстон Смит, Университет Нью-Ингленд. («Политика», 8 мая)
- «По оценкам экспертов, наша страна может обладать одним из крупнейших запасов т.н. сланцевого газа в Европе. Он залегает на глубине до 4 тыс. м (...) Концессии на бурение скважин с целью оценки ресурсов уже распределены, а работы начаты (...) Под поверхностью нашей страны может находиться около 4 трлн. кубометров этого топлива (...) Для сравнения — уже исследованные польские месторождения природного газа оцениваются в 96 млрд. кубометров. Специалисты подсчитали, что нам хватит газа еще на 27 лет. В настоящий момент Польша тратит около 14 млрд. кубометров газа в год, из которых менее 4 млрд. добываются из собственных ресурсов. Остальное мы покупаем у России». («Польска», 5 мая)
- «Меньше сланцевого газа (...) Как подсчитал Государственный геологический институт, запасы сланцевого газа составляют около 10 млрд. кубометров». («Дзенник — Газета правна», 10 мая)
- «Министерство экономики объявило вчера, что подписание газового договора с Россией откладывается до момента разъяснения всех сомнений Еврокомиссии». («Газета wyborcza», 6 мая)
- «Договор, ставящий нас в зависимость от «Газпрома» до 2037 г. (!), противоречит рекомендациям Евросоюза. Они позволяют получать от одного поставщика максимум треть всех поставок стратегического сырья», — проф. Ежи Помяновский. («Польска», 22 апр.)

- «Министерство экономики не желает информировать общественность, удалось ли ему убедить Брюссель поддержать газовый договор с Россией (...) Как прошли вчерашние переговоры? «Без комментариев», — сказал Збигнев Кайдановский из пресс-бюро министерства экономики. Молчит и Брюссель. «На встрече с польской стороной было решено, что, к сожалению, мы не можем комментировать ни хода переговоров, ни принятых на них решений», — сказала пресс-секретарь Еврокомиссии Марлен Хольцнер». («Газета выборча», 11 мая)
- «Беда Польши заключается в том, что предвыборная кампания у нас не прекращается. Временами она интенсифицируется, но никогда не останавливается. Что хуже всего — так это то, что она снова обострится, ведь вскорости после президентских будут выборы в местные органы самоуправления, а потом самые важные — парламентские. В результате политика сводится в основном к тому, чтобы завоевать власть, а если она уже есть, удержать ее», — проф. Гжегож В. Колодко, бывший министр финансов. («Пшеглэнд», 16 мая)
- Поддержка партий: ГП — 45%, ПиС — 36%, СДЛС — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Опрос ГфК «Полония» от 6-10 мая. («Жечпосполита», 12 мая)
- «Деление на сторонников сохранения Третьей Речи Посполитой и построения новой, Четвертой Речи Посполитой, которую предлагают Качинские, имеет, в частности, ту черту, что последние думают о стране в аксиологических категориях: честность, жертвенность, справедливость. Приверженцы Третьей РП думают в категориях прагматических: что нужно сделать, чтобы разные институты лучше функционировали, чтобы сократить время регистрации новых фирм и т.д. (...) Брониславу Коморовскому ставят в упрек не слишком большую дозу сочувствия, то обстоятельство, что он слишком техничен в своих высказываниях, но большинству сторонников Третьей РП это ничуть не мешает», — проф. Януш Чапинский, социальный психолог, Варшавский университет. («Польска», 30 апр. — 3 мая)
- «Вместо того чтобы убывать, в Польше прибывает чиновников. С начала правления коалиции ГП-ПСЛ занятость в администрации выросла на 10%». («Жечпосполита», 10-11 апр.)
- «Чтобы зарегистрировать избирательный комитет, необходимо собрать 100 тыс. подписей, так что, подсчитывая и проверяя их, Государственная избирательная комиссия пересчитает чуть больше, чем эти 100 тысяч [ПиС собрал 1,65 млн.]. Остальными она не будет заниматься (...) Сколько тонн впустую потраченной бумаги должна будет перемолоть бракомолка ГИК?» (Юзефа Хеннелёва, «Тыгодник повшехный», 16 мая)
- «Прочитанная пресса поможет кошкам. Избавьтесь от прочитанной прессы и помогите животным — призывают сотрудники «Котерии», центра помощи городским кошкам на Каленской ул., 3 в Варшаве. Макулатура — это хорошая выстилка клеток для кошек (...) поэтому в центре пойдет в ход любое ее количество. Лучше всего подойдет газетная бумага». («Польска», 22 апр.)

1: Я ВОЗЬМУСЬ ЗА ЭТО ДЕЛО!

8 мая 2010 г. и.о. президента Республики Польша, маршал Сейма Бронислав Коморовский на приеме в польском посольстве в Москве вручил генералу Александру Третецкому командорский крест ордена «За заслуги». Но этому предшествовала долгая история...

Александр Третецкий был первым прокурором из Главной военной прокуратуры СССР, который в 1990 г. расследовал катынское дело. Эксгумация могил в Медном осуществлялась под его личным контролем, он не покидал это место ни на минуту, опасаясь, чтобы кто-нибудь не помешал проведению работ. Он принимал меры, когда при странных обстоятельствах выходила из строя землеройная техника и когда КГБ пыталось под предлогом «нестабильной ситуации» во время путча Янаева склонить исследовательскую группу к прекращению работ.

— Вот взгляните, — он демонстрирует ксерокопии российских газет, датированных августом 1991-го, когда проводилась эксгумация общих могил польских офицеров в Медном. — Здесь всё написано, ни у кого не было никаких сомнений относительно виновников преступления. И вдруг мы возвращаемся к старым вопросам. Это подобно тому, как если бы снова задавать вопрос, точно ли Земля круглая, — говорит Третецкий. — Мы выполнили свою работу, мы доказали, что это было преступление НКВД, и слушать не хочу всю эту чушь о том, что это сделали фашисты.

Он считает, что российские власти должны решиться назвать вещи своими именами. Необходимо дать правовую оценку: это было военное преступление — чтобы заткнуть рот всем тем, кто пытается поставить под сомнение факты.

— Истина не рождается в спорах. Истина вечна, — говорит твердым голосом Третецкий. По старому паспорту он украинец, родившийся на Амуре, но в его жилах течет кровь трех народов — украинского, русского и польского. 62-летний Третецкий вот уже несколько лет на пенсии, но по-прежнему преподает право в одном из московских вузов. У него все та же офицерская выправка, он стройный, худощавый. Скромный и одновременно элегантный. Когда в сентябре 1990 г. его вызвал к себе начальник, он как раз заканчивал важное следствие по делу о расстреле армией взбунтовавшихся рабочих в Новочеркасске в 1962 году. — «У нас тут есть дело, касающееся польских военнопленных», — сказал начальник и спросил, кому бы его можно отдать, я ответил, что подумаю. Вышел от него, но, не дойдя до своего кабинета и развернувшись на пятке посреди коридора, я зашагал обратно, почувствовав, что это мое дело. Уже тогда я знал, что за расстрелом поляков стояло НКВД. «Я возьмусь за это дело», — сказал я, — вспоминает Третецкий.

Офицерская честь

В 2002 г. в письме президенту Польши Юрий Шумейко, который во время эксгумации был откомандирован Генеральным штабом СССР в Харьков и Медное и вместе с Третецким возглавил следственную группу, писал: «Летом 1991 года (вместе с Третецким. — Ю.П.) мы решили сделать все возможное и даже невозможное (а трудности были серьезные), чтобы установить правду (...). Мы руководствовались офицерской солидарностью, уважением к расстрелянным польским офицерам и к их семьям, понятием человеческой этики и офицерской чести, не ожидая никаких знаков благодарности, тем более со стороны государства».

Генерал Бронислав Млодзеевский участвовавший в эксгумациях, вспоминает о Третецком так:

— В то нелегкое время Третецкий продемонстрировал высочайший уровень чести и этики не только профессиональной, но универсальной. Тот уровень, который характеризует человека всегда, а не только по призыву того или иного начальника. Надо помнить, что он был советским офицером, а в то время — это был по-прежнему СССР — отношение к делу о катынском преступлении было неоднозначным. Мы встречали много препятствий, и тогда Третецкий всегда нам помогал.

В 1996 г. еженедельник «Политика» писал о российском офицере: «То, что он сделал как руководитель группы, проводившей следствие по катынскому делу, выходит далеко за рамки служебных обязанностей и добросовестности». Газета назвала его «советским полковником, который защитил честь мундира».

Интриги КГБ

19 августа 1991 г. в Москве начался путч, на улицы Москвы въехали танки. Вечером того же дня Третецкому, находившемуся в Медном, сообщили, что его вызывает начальник калининского УКГБ Лаконцев.

— Я сказал, что поеду, но только со всей российской частью группы, — вспоминает генерал. Мы отправились в Калинин в сопровождении двух УАЗов с товарищами из КГБ.

На месте Лаконцев сообщил, что считает их миссию завершенной. Третецкий напомнил, что он подчиняется не ему.

— Еще в тот же день мне удалось встретиться в Твери со знакомым из ГВП. От него я позвонил заместителю прокурора Вячеславу Фролову. И услышал от него то, что мне необходимо было услышать: «Продолжайте работы», — вспоминает сегодня Третецкий.

С подобным же «предложением» КГБ обратилось к руководившему работами польской группы прокурору Стефану Снежко.

— Мы уже сидели в микроавтобусе, которым ежедневно добирались из Калинина в Медное, разумеется, в сопровождении неотлучно присутствовавших командира машины и капитана Калашникова из КГБ, — рассказывает Млодзеевский. — Он сообщил нам, что становится очень опасно, что могут быть настроения против иностранцев и что они не в силах гарантировать нашу безопасность. Капитан был готов снабдить нас короткоствольным оружием и предложил возвращаться в Польшу самостоятельно. Снежко проявил твердость. Он сказал, что у него при себе есть приказ заместителя начальника генерального штаба генерала Михайлова и, чтобы изменить план, потребуется приказ, исходящий от лица, по крайней мере равного по рангу. А если такового не имеется, то попрошу закрыть двери и отвезти нас на работу. И мы поехали. Люди из КГБ сбежали на реку и на протяжении всех этих дней сидели в кустах и пили водку.

Участие Третецкого имело тоже чисто практический смысл. В принципе он не ни на минуту не покидал Медное, опасаясь, как бы что не помешало работам.

— Кому-то надо было все время находиться на месте. Время наше было ограничено, и любая потеря его стала бы безвозвратной. Шансов продлить время на эксгумацию не было, — вспоминает Млодзеевский.

Когда по непонятным причинам вышел из строя трактор с экскаватором, Третецкий позвонил местным военным, и они доставили новое оборудование. Кому-то было очень важно буквально выкурить команду, проводившую эксгумационные работы. Палатка, в которой он ночевал вместе с командиром батальона из Кантемировской дивизии, прикомандированного для помощи в работах по эксгумации, «по неизвестным причинам» загорелась.

— Пожар мы быстро потушили, — говорит Третецкий.

Тяжелая правда нас объединила

Катынское расследование для Третецкого и его товарищей из прокуратуры было шоком.

— Многие из них узнавали правду только у открытых могил поляков, — вспоминает Михал Журавский, бывший в то время польским консулом в Москве.

Третецкий заботливо хранит вещи, связанные с памятью о том времени — вырезки из газет, фотографии. С невероятной симпатией и удивительным умением хранить в памяти все детали он вспоминает как польских, так и российских участников расследования.

— Нас объединила очень тяжелая правда, — говорит он, перечисляя фамилии прокуроров и экспертов, участвовавших в расследовании: Стефана Снежко, Бронислава Млодзеевского, Енджея Тухольского, консула Михала Журавского, с которым он подружился.

С особенным волнением он вспоминает прелата Здислава Пешковского, капеллана катынских семей, который постоянно там находился на протяжении практически всего периода проведения работ.

— Над каждым черепом он совершал крестное знамение, молился, — рассказывает Третецкий.

Но Пешковский стал важным человеком и для него лично.

— Мы с ним много беседовали, он был для меня духовным наставником, — признаёт Третецкий.

Сталинские лжецы, распространявшие ложь о катынском преступлении, не могли пройти мимо такого явного «доказательства измены». Юрий Мухин в своей книге о Катыни «Антироссийская подлость», где изливает поток помоев как на участвовавших в расследовании поляков, так и на россиян, обвинил Третецкого в том, что он «вместе с католическим ксендзом читал молитвы, а поляки в это время имели возможность красть из могил или подкладывать в них всё, что им только было угодно». В своей публикации он поместил фотографию, сделанную во время мессы, отслуженной в подвалах здания тверского УНКВД — совсем рядом с помещением, где расстреливали поляков, — на которой полковник Третецкий читает Священное Писание. То, что Мухина побудило к оскорбительным высказываниям, для всех, кто был в то время в Медном, послужило доказательством, что поляков и русских связывают неразрывные узы.

В этом был магнетизм Пешковского. Ежедневно утром он служил мессу.

— Поначалу в ней принимала участие лишь польская часть группы, потом, постепенно, присоединялись и русские, — вспоминает Млодзеевский.

От следствия вдали

— «Кто, если не мы» — это девиз десантников, но он относится и ко всем порядочным людям, — говорит с улыбкой Третецкий. О нем говорили, что он продался, выслуживается перед поляками. Один из гебистов, которые «присматривали» за работой группы, как-то сказал ему, что он «вовсе не советский офицер».

— Я был просто взбешен. И тогда я сказал: пусть он предложит своему начальству поставить его на мое место, — рассказывает генерал.

— Мы с Сашей дружили. У меня всегда было о нем самое лучшее мнение, — вспоминает Михал Журавский. — Он оказался между молотом и наковальней, но за всё время следствия никогда не поступал нелояльно в отношении своего начальства.

У Млодзеевского нет сомнений в том, что Третецкий заплатил за Катынь своей карьерой. «Третецкий охраняет афгано-таджикскую границу в далеких горах Памира и никогда не станет генералом», — писала «Политика» в 1996 году.

— Это была ссылка, — считает польский офицер. Третецкий был военным прокурором Группы пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане, осуществлявших охрану границы на основе двустороннего соглашения. Но звание генерала он получил именно за Таджикистан, где помогал организовывать с нуля структуры военной прокуратуры.

Сам он о своей судьбе после ухода в 1992 г. из следствия по катынскому делу не говорит как о ссылке.

— Меня откомандировали для работы в администрации президента, и там, работая у вице-президента Руцкого, я старался помогать следствию, — вспоминает он. В частности, благодаря его участию был создан, пожалуй, лучший документальный фильм о катынском преступлении, сделанный в России, — «Память и боль Катыни» (до сих пор не показанный по польскому телевидению).

Потом был 1993 год, политические завихрения в России. И Третецкий снова оказался в ГВП.

— Я согласился поехать в Таджикистан, ибо в то время сложилось так, что у меня не было никакой должности. Я мог только неофициально оказывать помощь следствию, — вспоминает он. И он помогал, делая ксерокопии документов. После трех лет, проведенных в Таджикистане, он отправился в Дагестан и Северную Осетию, потом в Москве преподавал право в Академии Федеральной пограничной службы. В январе 2000 г. В.В. Путин, который в то время — после ухода Ельцина — исполнял обязанности президента, присвоил ему звание заслуженного юриста Российской Федерации. В конце концов он снова попал в прокуратуру, правда, уже не в военную, а в генеральную.

Сегодня, как сам он говорит, его связывает тесная дружба с польским посольством, он часто бывает на организованных посольством торжественных мероприятиях и конференциях. Он включен в состав польско-российской Группы по трудным вопросам.

— Поляки о нем не забыли, — говорит Бронислав Млодзеевский.

Отсроченная награда

Третецкий так никогда и не получил медали, учрежденной Советом по охране памяти борьбы и мученичества. В 2005 г., когда Александр Квасневский вручал награды российским гражданам, заслужившим их за расследование катынского дела, он не был удостоен награды. Правда, он был представлен к офицерскому кресту ордена «За заслуги», но российская сторона не дала своего согласия на то, чтобы он принял эту награду.

— В России существует положение, которое гласит, что лицо, находящееся на государственной службе, — а Третецкий работал тогда в Генеральной прокуратуре, — не может принимать иностранную награду без согласия своей организации. И, насколько я знаю, генерал получил отказ, — вспоминает адвокат Анатолий Яблоков, который в качестве военного прокурора с самого начала принимал участие в расследовании, а после ухода Третецкого возглавил его. Хотя вскоре после этого он сам был отстранен от дела за то, что его выводы были чересчур «пропольскими». — Если кто и заслужил награду от Польши, то именно Третецкий. Не вижу препятствий к тому, чтобы он мог ее принять. Ведь он уже три года как на пенсии, — говорит Яблоков.

Третецкий не склонен комментировать вопрос о своем награждении. — Я не для наград это делал, — отрезает он, хотя ощущается сожаление, когда он это говорит. — А кроме того, моя работа был оценена по достоинству. Председатель сельсовета в Медном вручил мне диплом за участие в расследовании и эксгумации.

Как стало известно газете «Жечпосполита», Третецкий вскоре будет удостоен польской национальной премии «Бене Мерито», вручаемой польским министром иностранных дел.

Эта заметка была написана еще до того, как генерал Александр Третецкий получил свою награду — уже не офицерский, а следующий по рангу, командорский крест польского ордена «За заслуги»...

2: ПОШЛА ЯНКА НА ВОЙНУ

Во вроцлавском Институте судебной медицины на столе лежит семь черепов. Скорее всего, они из Катынского леса. Один из них — череп женщины. Если это так, то он принадлежит единственной польке, которая погибла в Катыни.

От нее осталось лишь несколько фотографий. В авиационном комбинезоне. С отцом — поливая цветы в саду. На лодке. И маленький самолетик, который стоял у нее на радиоприемнике.

Ее отец, генерал Юзеф Довбор-Мусницкий, возвращается в Польшу. Лето 1918 года. За плечами у него много выигранных сражений и командование 1-м Польским корпусом в России, который он создал.

Генерал вернулся вместе с семьей — женой, которая младше его на 15 лет, двумя сыновьями и дочерью. Он отдал себя в распоряжение Пилсудского, но тот принял его холодно. Однако, когда в Познани вспыхнуло великопольское восстание, маршал назначил Довбора главнокомандующим. В расчете на то, что царский генерал не совладает с польскими солдатами бывшей немецкой армии и лишь скомпрометирует себя. Между тем Довбор за три месяца поставил под ружье 11 призывных возрастов и создал почти стотысячную армию.

После восстановления независимости Довбор почти за миллион марок выкупил ранее принадлежавшее немцам имение в Люсове — свыше 100 гектаров земли, дворец, луг, лес, часть озера.

Янке 10 лет, она бегает по дворцу и поет. Подолгу просиживает в конюшне, разговаривает с кобылой по кличке Европейская Барышня, которая прошла с генералом через многие сражения, а теперь отправлена на пенсию.

Отец постоянно на службе, в дороге. У него в кабинете — холодное оружие, фотографии, награды, подзорная труба, через которую Янка осматривает озеро и парк.

Дома мать — невысокая, темноволосая, она ждет ребенка. Агнешка, младшая сестренка Янки, родилась в августе 1919-го. Ее ласково зовут Гуся.

Спустя год Янка видит умирание. 38 летняя мать тяжело больна, дает о себе знать туберкулез, который она подхватила в России.

Польско-большевистская война. Генерал явился в распоряжение Пилсудского. «Хотя и не было на кого оставить умирающую жену и малолетних детей, — вспоминал он, — я без промедления выехал».

«Вы, генерал, — говорит Пилсудский, — примете командование Южной армией под Львовом, а то Ивашкевич ни на что не годен».

Довбор-Мусницкий ценил генерала Вацлава Ивашкевича, своего бывшего подчиненного, а потому с возмущением отказался. Это конец его армейской карьеры.

Генеральша умирает. Его старшему сыну Гедимину всего лишь 14 лет, Ольгерду — 9, а Гусе — неполный год.

Генерал впадает в депрессию. «Свое я уже сделал, молодость далеко позади. Да и старость катится ко всем чертям. Зачем я нужен людям?...» — признался он одному майору.

Ему 53 года, он ведет хозяйство в Люсове. Воспитывает детей.

Из дома Довбор вынес строгие принципы. Его мать, дочь офицера наполеоновской эпохи, применяла по отношению к нему военную муштру. «Меня держали в ежовых рукавицах, — вспоминал генерал, — и обходились сурово, чтобы не вырастать неженку».

А как живет Янка? Этого мы не знаем.

Больше известно о годовалой Гусе. Когда она выросла, ее подруга писала: «В Гусе ощущались эмоциональный голод и недостаток домашнего очага — генерал был отцом очень заботливым, но трагическим».

Каждую пятницу конюх Клосинец закладывает бричку и едет за детьми. Они учатся в Познани и живут на полном пансионе в частных домах. А по воскресеньям отправляются на богослужение, у них в Люсове своя скамья вблизи алтаря.

Конец 1920-х. Янка отрезала толстую косу. Она учится в консерватории. Занимается вокалом. Ходит на уроки фортепьяно. Мечтает о карьере артистки. Когда вволю напоёлся, бежит на аэродром. В Лавицу под Познанью. Вероятно, в первый раз ее отвел туда младший брат Ольгерд (потом ставший пилотом). Девушка хочет выступать и летать на планерах.

На сцене она не играет главных ролей. Временами поет перед сеансами в кинотеатре «Муза».

Несколько раз выступает во львовских кабаре — с весьма умеренными последствиями.

«Фамилия Довбор-Мусницкая на афишах! Ради рекламы!» — нервничает генерал. Но голос у его дочери слишком слабый, и грезы о карьере развеиваются. Янка работает на почте телеграфисткой, снимает комнатушку. А на субботы и воскресенья по-прежнему ездит в Люсово. Во время церковной службы играет на органе и поет. Одновременно она делает всё, чтобы попасть в аэроклуб, кончает учебные курсы пилотирования и радиотелеграфии. Летом 1936 г. едет в Тенгобож под Новым Сончем на показательные полеты планеров. Мечислав Левандовский, инструктор по планеризму, не отрывает от нее глаз.

В Познани ставят «Пиковую даму», любимую оперу Довбора. 26 октября 1937 г. генерал возвращается из оперного театра и умирает от разрыва сердца. Остается завещание: «Мои дети должны помнить, что они поляки, что родом они из старой шляхетской семьи с безупречным пятивековым прошлым и что их отец приложил все свои силы и использовал любые возможности для возрождения Польши в ее былой славе и могуществе. А посему у него есть право требовать от своих потомков, чтобы они ничем не запятнали нашу фамилию».

Через год младший брат Янки, Ольгерд (ему 27 лет), пилот III авиационного полка в Лавице, приставляет себе пистолет к голове и стреляет. Молодой человек развлекался на танцевальной вечеринке.

Вроде бы он проявил чрезмерную напористость по отношению к какой-то женщине. Старший офицер сделал ему замечание. Ольгерд попросил извинения, вышел из зала и выстрелил.

Сентябрь 1939 года. Янка заявляет: «Я иду на войну». «Останься! — толкуют ей друзья. — Обойдутся там и без одной женщины». Однако она мчится на вокзал. По дороге оставляет у своей подруги Ирены Хасевич два альбома: «Я зайду за ними через два месяца».

В альбомах — последние снимки Янки: 10 июня 1939 г. с мужем Мечиславом Левандовским (инструктором по планеризму) перед познанским отделом записи гражданского состояния. В скромном платье, с букетом цветов.

Венчались они заключат в костеле св. Юста при планерной школе в Тенгобоже.

И сфотографировались на фоне планера. Янка — в белом платье, взятом на время у подруги. Молодожены даже не поселились вместе.

А в Люсове Гуся прощается с прислугой: «Давайте встанем и споем „Еще Польша не погибла“». Она оставляет у соседей всех своих собак и патефон.

Сама же едет в Варшаву, ей тоже хочется бить врага.

Янка договорилась с коллегами из аэроклуба встретиться на вокзале. Молодые люди запрыгивают на открытую платформу товарного поезда. Отъезд из Познани они запланировали сразу же после того, как разразилась война, услышав, что в Луцке создается авиационная часть. «Хотя пилотами мы были чисто туристическими и спортивными, нам казалось, что умеем мы Бог знает сколько. И что мы пригодимся», — вспоминал позднее один из них. Неподалеку от Вшесни они натолкнулись на III авиационный полк. «Присоединяйтесь», — согласился капитан Юзеф Сидор. Днем все скрываются в лесах, по ночам продвигаются на восток. Во время привала Янка вытаскивает два пистолета. Она взяла их из отцовского кабинета. Один отдает товарищу. Тот потом похвалится, что был горд генеральским оружием. Может быть, тогда пилоты и дали Янке офицерский мундир. Слишком большой, плохо на ней сидящий — словно со старшего брата.

Когда друзья из аэроклуба узнали 18 сентября, что советские войска перешли границу, они решили бежать в Венгрию. «Поезжай с нами, — уговаривали они Янку, — у нас есть мерседес».

Янка ответила: «Я остаюсь».

22 сентября возле Гусятина полк авиаторов окружили советские танки. Офицеров отделили от остальных и увезли в неизвестном направлении. Среди них и Янку.

Как отреагировали большевики, когда прочли в документах, что это дочь ненавистного им генерала?

Мечислав Левандовский искал жену в Познани и Варшаве. Ни единого письма, ни единого знака.

Он бежал в Великобританию, летал в эскадрилье ночных истребителей.

Наконец-то появляется первый след Янки (январь 1941-го): человек, которому удалось сбежать из советской неволи, сказал племяннице генерала, что Янка была в лагере, в Козельске.

Берлинское радио сообщило (13 апреля 1943): «В Катыни возле Смоленска местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, производившихся большевиками».

Во вскрытых могилах — тысячи тел польских офицеров. Беспорядочно скученные, в мундирах, уложенные чуть ли не в десять слоев. Все они погибли от выстрела в затылок, у некоторых руки связаны веревкой, во рту кляп.

Их извлекают из земли, укладывают на поляне. Пристегивают к одежде металлические пластинки с выбитым на них номером. Обыскивают карманы, сапоги — важна каждая деталь.

Женщина? Одета в мундир, будто со старшего брата.

Откуда женщина среди офицеров? Немцы поражены. Это разрушало их тезис об уничтожении пленных офицеров. И они не включили летчицу в число жертв НКВД.

В Катынь едут европейские эксперты, журналисты из Швеции, Швейцарии, Испании, а также из оккупированных государств. Журналисты констатировали, что, помимо тел убитых офицеров, к этому моменту найдены немногочисленные останки армейских капелланов, а также одной-единственной женщины.

Эксгумацией руководил проф. Герхард Бутц. Он приехал в Катынь из Бреслау, с кафедры судебной медицины университета.

Он часто работал в Смоленске, в своей полевой лаборатории. И по несколько раз в неделю появлялся в Катыни. Иногда он надевал мундир и водил очередную «экскурсию». На месте за порядком следил Людвик Фосс из Geheime Feldpolizei (тайной военной полиции) — «образчик жандарма, который дотошно и безоговорочно выполняет распоряжения».

Бутц исследует в своей полевой лаборатории «особые случаи». Останки летчицы были именно таким «случаем», и потому он забрал ее череп к себе в Смоленск.

Мариан Водзинский, судебный медик из Кракова, на протяжении многих недель был единственным польским врачом на месте преступления и представителем Польского Красного Креста. Возвращаясь из Катыни, он несколько дней прождал в Смоленске места в поезде. Его пригласили осмотреть лабораторию Бутца. «В частности, мне там показывали гистологические препараты из входных раневых отверстий с характерными чертами выстрела, произведенного с близкого расстояния, а также препараты черепов с типичными для Катыни огнестрельными ранами».

Июнь 1943 г. выдался жарким. Пришлось прервать эксгумацию из-за высокой температуры и нашествия мух.

Профессор Бутц вернулся во Вроцлав. Никакой научный работник не бросает материалы, собранные в ходе своих исследований. Скорее всего, Бутц распорядился упаковать смоленскую лабораторию, приготовленные препараты, а также черепа и переслать всё это в Бреслау. Через год он погиб на Украине.

Предметы, обнаруженные у польских офицеров в Катыни (фотографии, письма, дневники, пуговицы, медальоны, четки и т.д.), эти доказательства преступления НКВД, запакованы в десяток с лишним больших ящиков и едут в Краков, в Институт судебной медицины и криминалистики. Им руководит Вернер Бек (повесивший у себя в кабинете свой снимок вместе с Гитлером), который был когда-то ассистентом Бутца.

Один из ящиков осматривает проф. Болеслав Попельский, львовянин. Он должен был находиться в Катыни вместе с Водзинским, но не добрался туда. После войны этот специалист перебрался во Вроцлав. Он спрятал катынские черепа в шкаф и присматривал за ними.

А ящики попадают в химический отдел института, возглавляемый доктором Яном Зыгмунтом Робелем. Робель сотрудничал с Армией Крайовой. Ему удалось скопировать и спрятать часть документов, среди них — катынские

дневники. Некоторые он перебросил на Запад. Они рассказали о жизни в лагере, о последнем пути заключенных. И о Янке.

Ноябрь 1939-го. Янку везут из-под Гусятина в Осташков, потом в Козельск.

Лагерь для офицеров устроили в зданиях ликвидированного монастыря.

Янка довольно часто приходила в строение под номером 17 (об этом известно от врача, капитана Вацлава Муха, одного из спасшихся узников, который зафиксировал, что в Козельске столкнулся «с пани Левандовской»).

«Женщина приходила в наш корпус, потому что, во-первых, знала здесь двоих человек, а с другой стороны, чувствовала себя здесь в безопасности, так как его обитатели составляли „свою компанию“. Одета она была в мужскую авиационную форму, но, на мой взгляд, позаимствованную у кого-то, с чужого плеча».

Янка располагала в лагере отдельным помещением. Она ходила в здание прежней церкви на тайные ночные богослужения. Из хлеба готовила облатки для причастия.

В сочельник 1939 г. все молились в тишине: вслух не разрешается.

«На завтрак — густая каша или просто селедка, без ничего, на обед — каша и селедка, хлеба не дают, завтра должна быть раздача довольствия, то есть чая и сахара. Нас мучат вши», — такие записи день за днем появляются в дневниках.

Один из военнопленных (7 февраля 1940): «Здесь в лагере есть летчица, храбрая женщина, она уже четвертый месяц выносит вместе с нами всяческие тяготы и неудобства неволи».

Все дожидались писем от родных. Янка не ждала. В ее доме в Люсове всем заправляет немец Кнаппе, библиотеку генерала он вышвырнул в колодец.

За письменным столом — следователь НКВД. С февраля полной властью над лагерем обладает политическая полиция СССР. Янку фотографируют и забрасывают вопросами.

«Часто пленный во время допроса с изумлением убеждался, что следователь уже очень многое знает о нем как личности, в том числе осведомлен о многочисленных подробностях из его прошлого. Один из офицеров услышал точнейшее описание дома, где он жил, а также всей обстановки и оснащения» (проф. Станислав Свяневич, который уцелел).

Что говорила Янка? Что ее фамилия — Левандовская, она родилась в 1914 г. (вместо 1908-го), а ее отца зовут Мариан (вместо Юзеф). Таковы сведения в списке на отправку заключенных из Козельска. Ошибка — или Янка изменила данные умышленно, чтобы уберечь себя и семью? Вероятнее всего, по той же самой причине самый старший по рангу офицер в лагере посчитал, что надо ей присвоить звание подпоручика. Тем временем приговор вынесен уже давно, когда Берия написал Сталину, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю. Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти...»

Приказ: Расстрелять!

Горячка по вывозу узников начинается 3 апреля. Обычно после 10 часов в приемной коменданта лагеря звонит телефон — из Москвы. Через трубку оттуда диктуют список лиц (в среднем от 100 до 300 человек), предназначенных в этот день к отправке. Сразу же после этого «стрелки» (охранники) разбегаются по корпусам, чтобы оповестить тех, кого прочитали. Выкрикивают их фамилии.

Когда забрали Янку? Фамилия Янины Левандовской числится в этапном списке за номером 0401. В следующем списке (0402) сохранилась дата — 20 апреля 1940. Если это действительно тот самый день, то он выдался теплым, а небо было подернуто дымкой. Так записал в дневнике один из военнопленных.

Молодая женщина берет с собой вещи, идет на сборный пункт. Быть может, она думает: «Наконец-то!»

Когда вывозили ее друзей из корпуса №17, Янка безрезультатно пыталась (так вспоминают спасшиеся) присоединиться к ним. В дорогу она получила, как все, немного хлеба и селедки, завернутых в чистую бумагу. Едут целую ночь в переполненных вагонах. Наконец, Смоленск, а потом маленькая станция Гнёздово. В

нескольких километрах за этим полустанком — деревня Катынь. Вполне возможно, что Янина Левандовская погибла в день своего рождения, 22 апреля 1940 года.

Красная армия подходила всё ближе к Кракову. «Уничтожить ящики из Катыни! Они не должны попасть в руки русских», — слышит доктор Бек. Но не выполняет приказ.

«Мне удалось перевезти эти документы в Бреслау, в Институт анатомии тамошнего университета», — расскажет потом Бек американцам в Гамбурге (1950).

В Бреслау они тоже не в безопасности: вскоре этот город объявлен крепостью.

Бек вывозит громоздкие ящики на станцию Дрезден-Радебейль и складывает их на вокзале. Американцам он сказал, что хотел передать их Международному Красному Кресту. Однако, когда в Радебейль вошли русские, «экспедитор облил ящики бензином, и они сгорели».

В гнезде Довборов пусто

Могила, где покоятся генерал и его супруга, расположена на люсовском кладбище. Ольгерда похоронили в Познани. Гуся попала в руки немцев. Вместе со своей организацией «Волки» (к ней принадлежал также Януш Кусочинский, известный спортсмен). Она сидела в варшавской тюрьме «Павяк». И погибла в Пальмире под Варшавой через несколько недель после смерти Янки. Гусе тогда еще не исполнилось 20 лет. Второй сын генерала, Гедимин, после войны остался в Тулузе, работал сапожником.

Немец Кнаппе бежал из дворца. Теперь здесь командует Красная армия. Бойцы рубят мебель на растопку. Когда они ушли (1948), все имущество генерала забрала народная власть. Землю Довборов разбили на мелкие участки, а разрушенный и разоренный дворец передали отделу народного просвещения.

Муж Янки и его родственники давали объявления в газеты: «Разыскивается Левандовская Янина, урожденная Довбор-Мусницкая»... Никакого отклика не было. Мечислав женился на англичанке.

Профессора Болеслава Попельского, который в Кракове осматривал вещи, оставшиеся после убитых в Катыни офицеров, отправили вместе со всеми львовянами во Вроцлав.

Май 1945 года, ему предстоит организовать в здешнем университете лабораторию судебной медицины (впоследствии все медицинские факультеты, кафедры и подразделения отделятся от университета, и возникнет Медицинская академия).

Профессор приводит в порядок материалы, оставленные немецкими учеными, в том числе и профессором Бутцем. Среди многочисленных экспонатов — черепа с отчетливым следом от пули в затылочной части.

«Профессор почти полвека охранял их, словно верный страж, — рассказывает доктор Ежи Кавецкий, ученик Попельского, сегодня адъюнкт на кафедре судебной медицины Медицинской академии. — И порою приобщал к тайне людей, которым доверял».

Когда в 1978 г. там приступил к работе профессор Тадеуш Добош, он увидел больше десятка черепов, обозначенных цифрами и латинскими буквами «В» и «V». Бутц и Фосс? К нашему времени их осталось только семь. Когда профессор заметил, что некоторые исчезают, то спрятал остальные в шкафу своего кабинета и стал следить за ними.

Весна 2005 года. Доктор Кавецкий раскладывает катынские черепа на столе. Тот из них, который, возможно, принадлежал женщине, обветшал и сильно поврежден. Остался лишь собственно череп и фрагменты его основания, сзади — след от пули, а сбоку кто-то процарапал символы «V13» (Фосс?).

Это может быть только Янка.

Судебным медикам пишут члены Катынских семей Нижней Силезии; они хотят знать, правда ли это. Если да, то надлежало бы с почестями захоронить останки.

Но у научных работников все еще нет стопроцентной уверенности, и поэтому они не могут сказать: «Да, это правда». Первое после войны официальное судебно-медицинское обследование черепов они провели лишь в 2002 году.

Кавецкий: «Мы констатировали, что раневые отверстия воспроизводят размер типичной пули калибра 7,65 мм. Именно такое оружие и боеприпасы Советы употребляли в Катыни. С высокой вероятностью можно утверждать, что это черепа мужчин в возрасте от 30 до 50 лет. И что один из них принадлежал женщине. И что все они — из Катыни».

Полную уверенность, действительно ли это череп Янки, могут дать только генетические исследования. Если бы удалось сравнить ДНК Янки и ее родителей (они похоронены в металлических гробах), тогда всё стало бы ясным.

Добош: «К сожалению, для музейных целей все черепа препарировались. Их вымачивали в каких-то кислотах, и это привело к разрыву цепочек ДНК на отдельные куски. Но еще ничего не потеряно. Прогресс в науке столь велик, что вскоре могут появиться методы, которые позволят изолировать и выделить полную ДНК».

Вроцлавские ученые опробуют и другие методы. Череп Янки попал к антропологам Тадеушу Крупинскому и Збигневу Райхелю, которые в свое время воспроизвели голову св. Ядвиги и многих жителей средневекового Гданьска.

Профессор Райхель уже восстановил сильно поврежденные лицевые кости Янки. В дальнейшем специалисты попытаются исследовать череп методом взаимного проецирования — произведут наложение фотоснимков самой Янины и ее черепа. Если определенные «антропометрические точки» совместятся, это явится важным следом.

«Янка должна вернуться домой», — слышу я в Люсове.

3: ДНЕВНИК ОФИЦИАЛЬНОГО НЕМАРКСИСТА

Ян Юзеф Щепанский (1919-2003) — прозаик, репортер, эссеист, киносценарист и переводчик. Одна из самых интересных фигур польской послевоенной литературы. Автор, в частности, партизанских рассказов «Сапоги», романов «Польская осень», «Икар», «Остров», репортажа «Залив белых медведей», книги эссе «Перед неведомым трибуналом». Не поддаваясь политическому давлению, председательствовал в Союзе польских литераторов, оказавшись последним его председателем, — Союз был распущен во время военного положения. Об этом — его документальная книга «Председатель». Щепанский вел дневник в течение почти 60 лет, до самой смерти (2003, Краков). Первый том записок, опубликованный в конце 2009 г. в краковском «Выдавництве литерацком», рисует самый жестокий период сталинского террора, истоки ПНР.

Первый том «Дневников» Яна Юзефа Щепанского охватывает 1945-1956 годы. Это важный период в личной жизни писателя: женитьба, рождение детей, писание «в стол». И важный период в истории Польши: восстановление страны, воцарение коммунистов, ужасы сталинизма, аресты и процессы, всевластие цензуры, соцреализм в искусстве. Затем оттепель, надежды на перемены. Польский октябрь 56-го и запоздалый дебют писателя.

«Свое будущее я вижу только в писательстве»

Щепанский вел записи почти ежедневно. Исторические события переплетаются в дневнике с повседневностью — обычной и необычной. Описание кроваво подавленных в Кракове в мае 1946 г. манифестаций в поддержку Миколайчика, председателя тогдашней крестьянской партии Стронництво людове («Вновь крики, свист, беготня, а потом неожиданно выстрелы»), соседствуют с картинами красот Татр; записи об аресте двоюродного брата — с замечаниями о французской кинокомедии и рассказом о новогодней складчине. В январе 1953 г. власти планировали национализацию «Тыгодника повшехного», по улицам Кракова маршировали войска, певшие по-русски песню с припевом «Мы польские солдаты», а Станислав Лем читал в Шегожалах шуточную «кукольную пьесу» (это, безусловно, недавно обнаруженный фарс «Корни. Многоактная др р рама», в финале которой появляется Сталин, «сверхчеловечески добрый, нечеловечески приветливый, гениально улыбающийся»). В один из мартовских дней 1956 г. — лыжная прогулка («в Касинце огромные сугробы»), а рядом — известие о смерти Берута в Москве с комментарием последующих обстоятельств («Я думал, будет большая панихида, а в Госиздате собрание по поводу длилось только 7 минут. Новый стиль»).

Работа над собой

Первые дневниковые записи сделаны в Кракове, после выхода Щепанского из леса, из партизанского отряда Армии Крайовой. Ему 26 лет, за плечами участие в сентябрьской кампании 1939 г., подполье, партизанский отряд в Келецком воеводстве (с июня 1944-го). Учебу на отделении иранистики Ягеллонского университета

Щепанский считает недоразумением, даже «мошенничеством». «Я хотел расстаться с писательством, — пишет он 6 августа 1945 г., — но буду честным: только в нем я вижу свое будущее. Мне это фатально не удастся, но в душе считаю себя писателем. И не хочу отступать».

Подобно герою романа Джозефа Конрада, он предъявляет к себе очень высокие требования. Намеревается работать над формированием своего характера, честности и воли — и дневник должен в этом помочь. Прав Томаш Фиалковский, утверждая, что записи первых послевоенных лет «воссоздают редкую картину последовательного самовоспитания Щепанского как человека — студента-ираниста, писателя, мужа и отца семейства, альпиниста, репортера и сценариста».

С самого начала дневник поражает удивительным благородством молодого человека, сознательной работой над собою, чуткостью совести. Ян Юзеф, сам недоедающий, упрекает себя, что не поделился хлебом с немецкими детьми в разрушенном Вроцлаве. Он сочувствует голодающим немцам: «...Невольно, потому что помню аресты, облавы, Освенцим, [краковскую тюрьму] Монтелупи — всё помню. Но сейчас я вижу только голодных людей».

Глаз репортера

Когда Щепанский оказался летом 1945 г. в Нижней Силезии, он опасался приобрести комплекс оккупанта, «комплекс „законного владельца“», который «возвращает то, что ему принадлежит» и т.п. Он проницательно замечает, что поляки в происходящих здесь процессах — это второстепенный фактор; они не решают ничего, «арендуют» этот кусочек победы. «Большевики выгнали поляков из Легницы. В газетах для берлинцев похваляются, что остановили польскую акцию по выселению, во всех спорных вопросах заступаются за немцев. Это факты. Русские — благодетели для всех. Нам дают Вроцлав и Гданьск, украинцам — Львов, литовцам — Вильно, немцам — надежду славно отыграться за наш счет».

Он пишет о русских, которые грабят и насилуют с чистой совестью, в открытую, как орда Тамерлана: кто награбит больше, тому повезло.

А поляки?

«У нас это выглядит не столь возвышенно. Тысячи „законных владельцев“ в выцветших одеждах с боязливыми ужимками снуют по развалинам складов, жилых домов, заполняя барахлом свои „мародерские котомки“».

Уже по этим двум предложениям можно узнать прирожденного репортера. В 50-е годы Щепанский будет писать репортажи из Новой Гуты, с завода легковых автомобилей в Жерани под Варшавой, о сиротском приюте в Кшешовице, о Никифоре Крыницком, — и почти все (за исключением «В цехах автозавода») окажутся для цензуры несъедобными. Благодаря дневникам что-то всё же сохранилось. Например, литературно крепкое описание встречи с Никифором:

„Маленький, оборванный, со сморщенным личиком, одно стекло в очках потрескалось звездочкой. Тыкая кисточкой в свой детский набор красок (анилиновые пуговицы на картонке), а затем с педантичной тщательностью накладывая пятнышки на «картину», он не отрывает взгляда от работы, ему не нужна никакая натура, ничего вокруг. Кажется, что нет никакой связи между ним и миром. (...) Его восхищают тучи на одном из пейзажей Ван Гога, а «Охотники на снегу» Брейгеля вызывают радостный смех — там маленькие птички среди ветвей и микроскопические фигуры скользящих по льду людей. Долго комментировал быка из Альтамыры. Я попробовал рассказать ему о происхождении этой картинки. Из его ворчания понял только, что бык лучше коня, потому что коней забирали немцы, а на корове не попанешь — «больная... слабая». После второго просмотра репродукций сказал (насколько я его понял) нечто очень серьезное: «Я бы тоже так смог, если бы не был...» — и показал рукой на голову» (16 февраля 1951).

Запоздалый дебют

В те годы будущий автор «Икара» не имел шансов в ограниченной, изуродованной, отравленной соцреализмом, но все же существовавшей литературной жизни. Он был «классово чуждым элементом», подозрительным — интеллигент, сын довоенного юриста и дипломата Александра Щепанского, племянник эмигрантской писательницы Марии Кунцевич, офицер Армии Крайовой, женат на внучке поэтессы «Молодой Польши» Марыли Вольской, связан с кругом «Тыгодника повсехного». Издатели и редакторы литературных журналов относились к нему с опаской или недооценивали, зато цензура относилась со всей чуткостью. Писатель с такой фатальной биографией должен был преодолеть не одно препятствие, чтобы увидеть свою фамилию в печати. Но следующие друг за другом неприятности он принимал, в общем-то, с олимпийским спокойствием: «Сегодня должны были выйти „Сапоги“ в „Тыгоднике“. Не вышли. Снова ожидание» (17 января 1947). «Госиздат вернул

„Польскую осень”. Не напечатают. Кажется, потому, что публикуюсь в „Тыгоднике”» (24 декабря 1949). «Забрал „Польскую осень” у Гебетнера. Не собираются» (7 марта 1950).

Спустя годы Тадеуш Древновский напишет:

«Литературная карьера Щепанского началась сильно и ярко, но не без препятствий. Я имею в виду его запоздалый и болезненный дебют, который проходил в три этапа. Только в годы оттепели (1954-1956) вышли три книги нового автора: „Польская осень”, „Штаны Одиссея” и „Сапоги и другие рассказы”, — в очередности, обратной той, в которой были написаны. (...) Как у Боровского и Ружевица, в прозе Щепанского война обозначала самый глубокий кризис эпохи, всеобщий кризис ценностей» (Т.Древновский. Один перед неизвестным трибуналом).

Дневник Щепанского содержит подробную историю этих перипетий с дебютом. Месяц за месяцем, год за годом. Мы найдем здесь также не одно описание мук неуверенности, болезненных метаний писателя, отверженного, начинающего сомневаться в себе, в своем таланте.

«Утром отдал Выке машинопись моего сборника. Забрал его от Ежи [Туровича], там дело выглядит безнадежным. Выка обещал толкнуть в „Читальник”. Вчера вечером был момент ужасной хандры. Какого-то упадка. Меня полностью покинула смелость и вера в себя. Казалось, что я уже никогда не сумею писать и мой брак с Данусей не имеет смысла. Я усомнился во всем, было чувство, что и тут обманываюсь. К счастью, прошло. Постановил в течение недели подвергнуть себя взысканию, писательскому тренингу. То есть каждый день буду записывать, не заботясь о форме, какое-то одно наблюдение. Всё равно что» (16 сентября 1947).

Однако ни на какой компромисс, ни на какие соглашения с «народной властью» он не шел.

Двойное одиночество

А власти не оставляли его в покое. 27 июня 1947 г. Щепанский описывает «шесть часов тоски» — допрос проверочной комиссии в районной комендатуре.

«Они исходили из того, что я, конечно, фашист, который затаил свои взгляды. Понятно, что таких господ никак не переубедишь, что к фашизму питаешь еще большее отвращение, чем к марксизму. Есть только две полки. Ужасно неудобно жить в таком мире. В результате не признали моего офицерского звания».

Есть в дневнике несколько сдержанных записей о вызове в органы. Вот заметка в первый день Рождества 1952 года: «По возвращении из Касинки нашел повестку в милицию. Снова начинаются проблемы вроде тех, в 49-м году. Теперь удар направлен против меня лично (времена оккупации), хотя, безусловно, это в связи с „Тыгодником”. Рождество прошло в тени этой тучи».

Ян Юзеф Щепанский, несмотря на проблемы с публикацией произведений, был принят в секцию прозы Союза польских писателей. Он там единственный официальный немарксист. В дневнике отмечает, что ощущает «что-то вроде вежливого бойкота». Холод, усиливающийся с каждым днем. «Человек сидит на собрании, как заразный больной, — рядом пусто, глаза отворачивают с беспокойством» (1 апреля 1953). Только Анджей Киёвский укрادкой («в уголке») заказывает ему репортаж для «Жича литератцкого».

Одиночество ощущает агностик Щепанский и среди тех, с кем многое его объединяет, — в католической среде «Тыгодника повшехного». Католики — его жена и родные («С этой религиозностью Дануси я должен очень серьезно считаться»). Было бы проще, будь он одним из них. Предпринимаются даже определенные попытки переубедить себя: «В последнее время меня всё больше мучит мое половинчатое или даже „четвертинчатое” отношение к религии. Я внушил себе, что верю в Бога, и думаю, что если что-то заслуживает веры, то разве что Бог, но не могу из этого извлечь никаких рациональных следствий» (21 мая 1951).

Изоляция, унижение, бедность. Но самое худшее его минует. Кто знает, не угодил бы он за решетку, окажись его дневник в руках госбезопасности. Записи о Конгрессе Западных земель во Вроцлаве ему уж точно не простили бы:

«Такой инфляции лозунгов и фраз не знала ни одна европейская эпоха и ни один режим. Выступления на месте проходили цензуру и последовательно доводились до идеала демагогического штампа. Все эпитеты утверждены, никакая тень критики или объективности не имеет права добавить каплю правды к ура-патриотизму. Все говорят (очень многословно) одно и то же. Овации и аплодисменты запланированы — нет и речи о каком-то непосредственном мышлении. Не обошлось без детей с цветами и красными платочками, обнимающих

Личностей и попискивающих тоненькими голосами о „кровавых когтях империализма”. Самым отвратительным зрелищем были ксендзы, выхватывающие себе, на самом дне своего гетто, клочки иллюзорной „чести” состоять в какой-то комиссии. Всё это в атмосфере удручающей вульгарности, мерзости, грязи. Всё без малейшей связи с действительностью, видной сразу за дверьми зала заседаний» (22 сентября 1952).

Эти фрагменты дневника Щепанского напоминают «Дневники» Марии Домбровской с их убийственными описаниями польского сталинизма.

Убежища

Мир коммунистической фальши, тоскливой пээнэровской серости был Щепанскому чужд и отвратителен. К счастью, у автора «Польской осени» были свои убежища. Касинка — любимый деревянный дом в Бескидах. Альпинистские вылазки. Друзья — среди них Яцек Возняковский, Ежи Турович, Тадеуш Бжозовский, Владислав Дулемба, Станислав Лем. Счастливая семейная жизнь. Об этих своих убежищах автор дневника пишет, пожалуй, больше всего.

Следующие годы, после перелома 1956 го, принесли ему желанные дальние путешествия. О них пойдет речь во втором томе «Дневника».

Jan Jozef Szczepanski. Dziennik. T.I. 1945-1956. Krakow: Wyd. Literackie, 2009.

Публикуемая рецензия — несколько измененная редакция текста, помещенного в портале www.culture.pl.

4: ДНЕВНИК

1956 год

20.III

Все полны эмоций по поводу «секретного доклада Хрущева», который действительно представляет собой шаг чрезвычайно таинственный. Почему именно сейчас, именно в данный момент преступления Сталина оказались преступлениями, и почему их разоблачает не кто иной как Хрущев, спец по депортациям? Откровенность как козырь в игре может мало что общего иметь с правдой. И какова же ставка в игре, когда рискуешь так подорвать престиж?

Психологических приемов такого размаха мы еще не видели. Во всяком случае после такого крутого поворота наверняка наступит попытка взять совершенно новый курс. На благосостояние? На объединение Германии? Это должно быть что-то такое, чему сталинская традиция решительно препятствовала. А может, это всего лишь какие-то личные комбинации?

26.III

То, что происходит в России, похоже на самоотравление ложью. Это «великое очищение» вызывает по меньшей мере подозрительность. Те же самые люди, тот же Хрущев, который депортировал миллионы поляков. И зло клеймится не как зло, а как ошибка. При этом в «откровенных» выступлениях прессы по-прежнему ощутима старательная режиссура. Вся изобретательность направлена на то, чтобы провести границу между неодобрением партийным и неодобрением и возмущением всех, для кого преступление всегда было только преступлением. Одна лишь партия права в своей критике и имеет право критиковать. Все остальные — реакционеры, самодовольно потирающие руки и любующиеся своей Schadenfreude. Творится великая драма совести, но без участия совести. Ибо «партийная совесть» — по-прежнему орудие тактики.

4.IV

Весь вечер я писал статью об АК, вернее касающуюся дела АК, но затрагивающую всю систему лжи и несправедливости, которую аковское дело разоблачает особенно ярко. Завтра закончу, но сомневаюсь, что этот номер пройдет. Даже в нынешних условиях.

6.IV

Сегодня в Касинке подрезал деревца и подкармливал пчел. Холодно, проблески зимнего солнца и ветер, а потом снег. Вернувшись домой, обнаружил авторские экземпляры второго издания «Штанов» [«Штаны Одиссея»] в

безобразной обложке. В четверг пришла корректура Ханта.

Был сегодня Лем. Предрекает сворачивание оттепели, которая в последнее время действительно превратилась почти в половодье. Позавчера я читал доклад Хрущева в брошюре, изданной для партийного пользования. Принес его честный П[астушко]. Прямо-таки народно-фронтная идиллия: мы читали вместе вслух. Невероятно.

9.IV

Но происходящий переворот плохо доходит до масс. В Касинке люди «чевой-то слышали», мол, кто-то там что-то сказал против Сталина, но мало в это верят, так как «рази ж такое возможно».

Статья Махеека в последнем номере «Жича [литерацкого]» выставяет напоказ ментальность честного партийца. Он не утверждает, что не слышал о лагерях, депортациях и показательных процессах, однако думал, что это необходимо, и «подчинялся дисциплине». Причина «землетрясения» — не сами факты, а то, что обнаружилась их ненужность.

12.IV

Уже началась «столыпинская реакция». Лем привез последние новости из Варшавы. Редактор журнала «По просту» отстранен, «Новая культура» и «Пшеглэнд» целиком изуродованы цензурой, Османчику здорово досталось от ЦК за написанное о Сейме. Только Путрамент, как всегда, «во главе» и там, где надо.

Вчера был на репетиции «Каракатицы», которую ставит Кантор. Кантор всегда создает атмосферу героическую, атмосферу начинания чего-то нового, действует наперекор (хоть и за государственные деньги), а главное, действует так, как он хочет. И это ему удается.

И еще [министра культуры] Сокорского сняли. За излишний либерализм!

13.IV

Беседа с Махееком о моей статье на тему АК:

— Всё, что вы пишете, правда, но цензура не пропустит. Они мою статью (речь о «Землетрясении») посчитали антисоветской, — Махеек совершенно сбит с толку. Он сказал: — Как партиец, я в ужасе. Что они делают? Я думал, это умные люди, — а потом он, как обычно, возвращается к прежней рутине. — Я знал, что снова начнут закручивать гайки, но думал, что где-то в конце мая.

Был у Лема. Он сказал: — Год тому назад ты стоял на тех же позициях, что и теперь, а я был очень красный. Сегодня мы на одних и тех же позициях. И это благодаря ловкой политике ЦК. Создали наконец национальный фронт.

Это правда. Сегодня говорить можно уже практически с каждым. Прежде всего выявилась вся пустота всяческих софизмов, которые должны были оправдывать якобы целесообразность «гнета». Категории этических оценок безмерно упростились. Сегодня никто не стесняется говорить о правде. В редакции «Жича» честный Барнась, узнав о последних варшавских событиях, закричал: — Нам ничего другого не остается, как писать только правду. Никакой фальшивой статистики, никакого замазывания.

Конечно, не так это просто. Ежедневной прессе запрещено перепечатывать статьи из литературных изданий. Двойной стандарт.

Сташек [Михаляк] написал мне сегодня, что один улей погиб.

22.IV

Утром вернулся из В[арша]вы. Вылетел самолетом в четверг 19-го. Эффектный полет над сплошным белым морем облаков и в солнечных лучах, в то время как внизу слякоть и дождь со снегом. В [издательстве] «Искры» долгие пререкания с редактором книги, который об англичанах знает больше, чем они сами о себе, вследствие чего самовольно внес ряд изменений в текст Ханта. Однако мне всё же удалось настоять на своем.

Был на открытом партийном собрании Союза [польских писателей] с участием представителя ЦК Ежи Моравского. Прежде на такие мероприятия ходили по принуждению. Теперь такая давка, едва протиснешься.

Моравский произнес типично партийную речь «от имени власти»: были, мол, совершены многочисленные ошибки, идет исправление, доказательством чего служит «снятие» с постов Радкевича, Зараковского, Сокорского и др. Говорил о повышении окладов, о реабилитации, об активизации работы Сейма и о планируемой амнистии. Одним словом, всё идет к лучшему.

В дискуссии первым выступил Кручковский. Он поднялся на трибуну с большой пачкой машинописных страниц и принялся разглагольствовать в давнем стиле, с пафосом, напыщенно, черпая метафоры из собственного творчества, которое столько лет награждали и официально восхваляли. Вначале он сделал несколько самокритических реверансов, законченных неизбежным «однако же», которое должно было стать поворотом к восславлению «несмотря ни на что завоеванных» достижений. Когда он сказал, что Польша заняла пятое место в Европе как промышленная держава, в зале начали кашлять. Кручковский умолк и ждал. Когда кашель начал превращаться во всеобщий, встал председательствовавший на собрании Путрамент и попытался утихомирить зал, постукивая по столу и призывая дать оратору договорить. И тут зал охватил настоящий коклюш. Это продолжалось, может быть, минут пять, пока наконец Кручковский не собрал свои бумаги и не вернулся с поджатым хвостом на место под радостные аплодисменты.

Следующий оратор, Пытляковский, с ходу набросился с резкой критикой на ЦК. Он требовал не «снятия», а посадки и наказания таких людей, как Радкевич и прокуроры. Требовал отмены цензуры, созыва нового съезда партии, новых выборов. Нельзя бесконечно тасовать одни и те же карты. Кисель, выступавший третьим, выглядел после него весьма бледно. Его оппозиционность уже перестала производить впечатление. Напрасно он пустился в объяснения, кто он и почему он не враг, хотя и спиритуалист. Был момент, когда казалось, что и его прервут. Где-то в углу начали топать. К счастью, он подкрепил свое выступление юмором и закончил довольно гладко, призывая власти дать возможность не-марксистам создать собственную трибуну.

Карст был еще радикальнее Пытляковского. «Почему, разоблачая преступления Сталина, мы одновременно твердим, что он был верным марксистом? Перед кем мы хотим выслужиться, добавляя в чашу с ядом пару сладких капель?» Вспомнив новость о «снятии» Сокорского, он спросил, почему этого министра сняли не тогда, когда он творил наихудшее, а лишь теперь, когда он проявил чуточку либерализма? И с какой стати мы «получаем», а не выбираем нового министра? Разве Сейму нечего об этом сказать? Он также предложил распустить Союз писателей и взять за основу литературной жизни деятельность свободно формирующихся групп, издающих свои журналы и конституирующих свои руководящие органы. Он требовал также, чтобы Гомулка получил возможность разъяснить свою позицию.

Потом какой-то похожий на шута переводчик (Груда) посреди нагромождения бестолковых словес вдруг выдал такое меткое наблюдение: «Мы тут так резко критикуем, и товарищу Моравскому, видимо, неприятно все это слушать, но, с другой стороны, я подозреваю, что ЦК мало заботит наша болтовня. У них ведь тоже есть сторонники: за ними армия».

Василевский из «Новой культуры» протестовал против новых обострений цензуры и против смен в редакциях, производимых сверху. Он также перечислял различные «кошмары» официальной политики, в том числе лживую, насильно навязываемую польско-советскую дружбу. На эту же тему кто-то из выступавших вслед за ним сказал: «Пусть основой этой дружбы будет равенство. Давайте обмениваться самым ценным опытом, давайте брать самое лучшее. Правда, у нас в армии один из лучших советских маршалов, но это скорее исключение из общего правила принудительного обмена».

Последним перед перерывом выступал Ян Выка, бывший боец бригады Домбровского. Говорил он дольше и гораздо резче других. Сталин не в одиночку пришел к тирании. Он опирался на созданную им касту. У нас тоже существует такая каста, и она по-прежнему стоит у руля, меняя лишь лозунги. Прежний ЦК должен уйти. Охаб, разглагольствуя о демократии и еще сильнее при этом закручивая цензурные гайки, поступает точно так же, как Сталин. (В подтверждение он процитировал одно из выступлений Сталина.) Тут Путрамент не выдержал и попытался его прервать: «Я знаю товарища Охаба. Вы его оскорбляете. Меня это задевает». В зале поднялся шум: «Сядьте! Не прерывайте!»

Выка спокойно переждал, а потом бросил реплику: «Я, правда, с товарищем Охабом лично не знаком, но у меня есть привычка делать заметки по ходу выступлений», — и процитировал фрагмент речи Охаба, произнесенной несколько недель назад, в которой тот опровергал слухи о том, что Радкевич якобы арестован, и желал Р[адкевичу] здоровья и дальнейших успехов, а также перевыполнения норм в сфере его работы.

После перерыва я ушел, но на следующий день мне подробно пересказали дальнейший ход собрания. Clou (гвоздем программы. — *Пер.*) стало выступление Гжегожа Лясоты, который отметил, что болтовня о «переломе» и «потрясениях» партийной совести — сплошное очковитительство. «Все мы прекрасно знали о лагерях,

показательных процессах, депортациях и т.д. Пусть Кручковский не корчит из себя невинного младенца. Кто, как не он, писал в 37-м году в „Ведомостях литератских” о московских процессах? Выходит, тогда он знал, а потом не знал? Как это возможно? Мы знали, но при этом строили социализм. И поэтому совершенно осознанно должны были врать».

Моравский не дал никаких разъяснений, никакого ответа, хотя от него этого требовали весьма резко. Через неделю должно состояться еще одно собрание. Всё это очень похоже на семейную ссору, и марксисты сами это отмечают. Но независимо от этого складывается впечатление, что то, что система теряет, коммунизм приобретает. Реакция на выступление Киселя как будто это подтверждает. Когда оппозиция приобретает право гражданства внутри лагеря, то внешняя оппозиция становится менее привлекательной.

У тамбур-мажоров всё это считается «партийным» поражением. Я отправился в «Пакс» утрясти какой-то вопрос с корректурой. На лестнице меня остановил вахтер и принялся выпрашивать, к кому я и зачем, и в конце концов отказался пропускать меня без предварительного телефонного звонка. Как раз тогда, когда всюду отменяют эти идиотские формальности, они их вводят. Смысл их жизни — тоталитаризм, и неважно, свой или чужой.

Замечательную историю вычитал Херберт в английской прессе. Лондонские студенты приветствовали Булганина и Хрущева флажками с наклеенными на них фотографиями князя Монако и Грейс Келли и восклицаниями: «Да здравствуют новобрачные!»